

И.С. Бердников

**О восприемничестве при
крещении и духовном
родстве, как препятствии к
браку**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.С. Бердников**
О восприимчивости при крещении и духовном родстве, как препятствии к браку / И.С. Бердников – М.: Книга по Требованию, 2014. – 67 с.

ISBN 978-5-4241-6435-4

О восприимчивости при крещении и духовном родстве, как препятствии к браку.

ISBN 978-5-4241-6435-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

господствующая практика и во времена трулльскаго собора (Павловъ. 50 глава Кормчей, стр. 169). Во второй части, по поводу разсказа о крещеніи Θεодосія Велизаріемъ, авторъ говоритъ, что и до трулльскаго собора бывали примѣры воспріятія одного крещаемого двумя лицами, мужчиной и женщиной, и притомъ супругами, и что въ приведенномъ свидѣтельствѣ (о крещеніи Θεодосія) содержится прямое и ясное указаніе *на существованіе въ VI вѣкѣ общехристіанскаго воззрѣнія*, по которому, въ случаѣ воспріятія одного и тогоже крещаемого двумя лицами разнаго пола, оба эти лица признавались столь же близкими къ нему, какъ и его родные отецъ и мать (стр. 178). А. С. Павловъ однако же не хочетъ принять во вниманіе сдѣланныхъ въ нашей рецензій возраженій на нѣкоторыя положенія этой второй части и объясняетъ ихъ недоразумѣніемъ съ нашей стороны, какъ мы сказали выше.

Первое недоразумѣніе, по мнѣнію А. С. Павлова, допущено нами въ пониманіи его разсужденія о происхожденіи института воспріемничества, находящагося на стр. 176 его книги. „Вѣковые обычаи, говоритъ проф. Павловъ, и отмѣняются вѣками, пока не измѣнятся народныя воззрѣнія, на которыхъ покоится ихъ обязательная сила. Въ частности обычай, о которомъ у насъ рѣчь, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что настоятельно требовало бы его принудительной отмѣны. Правда, онъ возникъ помимо и подлѣ общаго правила (тоже общаго), которое знало только одного воспріемника, но возникъ изъ одного съ нимъ источника — того самаго, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ весь институтъ воспріемничества. Институтъ этотъ созданъ не церковнымъ законодательствомъ, а жизнію древне-христіанскаго (римскаго) общества, преимущественно — подъ вліяніемъ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи. Это—институтъ общаго церковнаго права въ собственномъ смыслѣ этого слова. Церковь, признавая воспріятіе отъ ку-

пели крещенія основаніємъ особаго отношенія между воспринимающимъ, восприемлемымъ и родителями послѣдняго—отношенія, аналогичнаго родству и производящаго извѣстныя препятствія къ браку, тѣмъ самымъ давала только свою санкцію уже установившемуся общему христіанскому воззрѣнію на сущность и юридическое значеніе этого отношенія. И если обычай сначала требовалъ только одного восприемника (преимущественно мужчину), а потомъ, для полной аналогии духовнаго родства съ плотскимъ, двоихъ — восприемника и восприемницу, то почему бы церковь въ послѣднемъ случаѣ должна была отрицать духовное родство между воспринятымъ и восприемникомъ не одного съ нимъ пола? Какъ видитъ читатель, здѣсь восприемничество причисляется проф. Павловымъ къ обычаямъ, обязательная сила которыхъ покоится *на народныхъ воззрѣніяхъ*, называется институтомъ, созданнымъ не церковнымъ законодательствомъ, а жизнію древне-христіанскаго (римскаго) общества, преимущественно *подъ вліяніемъ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи*. Выраженія: „народныя воззрѣнія“, „римское общество“, „подъ вліяніемъ гражданскихъ законовъ“ даютъ полное право читателю заключить, что въ нихъ говорится о явленіи быта народнаго, удержавшемся въ народѣ (римскомъ) и послѣ того, какъ онъ сдѣлался христіанскимъ, и принявшемъ нѣсколько другую форму примѣнительно къ христіанскому ученію и правиламъ. Не устраняетъ такого пониманія выраженій проф. Павлова и дальнѣйшая фраза его, что восприемничество есть институтъ обычнаго церковнаго права въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ церковной практикѣ терпимы были обычаи, проистекшіе изъ воззрѣній и законовъ римскаго народа (понимаемаго не въ церковномъ смыслѣ) и даже не одобрявшіеся съ церковной точки зрѣнія (Васил. вел. пр. 9. 21). Такіе обычаи представляютъ прямую параллель обычаю восприемничества, какъ его изображаетъ проф. Павловъ. Но какъ ни повелительно внушали намъ такое пониманіе упомяну-

тыя выраженія проф. Павлова, все-таки мы только на половину дали вѣру впечатлѣнью, какое необходимо выносится изъ чтенія приведеннаго мѣста, и выразились, что проф. Павловъ *повидимому* признаетъ восприимчивость продуктомъ общественной (въ народно-бытовомъ смыслѣ), а не церковной жизни римскаго общества. Проф. Павловъ въ своей отвѣтной брошюрѣ (По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній, стр. 8) заявляетъ рѣшительно и строго, что „смыслъ его словъ ясенъ и не допускаетъ никакихъ недоразумѣній“. Развѣ, продолжаетъ онъ, христіанское римское общество не было вмѣстѣ и церковнымъ и, какъ таковое, не осуществляло въ своей жизни церковныхъ воззрѣній, т. е. не творило нормъ обычнаго права церкви? Развѣ институтъ, прямо названный нами (т. е. проф. Павловымъ) институтомъ церковнаго права (хотя и обычнаго), можно было внимательному и разумѣющему дѣло читателю принять за свѣтскій или чисто общественный? Не рѣшаемся судить, сколько найдется у проф. Павлова такихъ избранныхъ читателей, какихъ ему желательно и которые бы вполне согласились съ нимъ, что смыслъ его словъ такъ ясенъ и понятенъ, что не допускаетъ никакихъ недоразумѣній. Съ своей стороны, къ сказанному выше о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія эти слова произвели на насъ, теперь мы присовокупимъ, что и новая аргументація А. С. Павлова въ его отвѣтной брошюрѣ не устраняетъ тѣхъ недоумѣній, какія возбуждаютъ эти слова. Если бы въ этихъ словахъ дѣло шло о христіанскомъ обществѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. о церкви Христовой, то къ чему было автору пояснять выраженіе „древне-христіанское общество“ выраженіемъ „римское“? Вѣдь въ церкви, по апостолу, нѣтъ ни іудея, ни еллина. Оттѣнокъ, заключающійся въ выраженіи „римское общество“, прямо указываетъ, что авторъ имѣлъ въ мысли ту сторону быта римскаго общества, которою оно отличалось отъ прочихъ христіанъ, которая составляла его характерную особенность, образовавшуюся еще прежде христіанства.

Далѣ, если нашъ достопочтенный авторъ признавалъ воспріемничество, по его происхожденію и значенію, институтомъ чисто церковнымъ, то зачѣмъ было ему говорить, что онъ „созданъ преимущественно подъ вліяніемъ гражданскихъ (римскихъ) законовъ объ усыновленіи“? Вѣдь римскіе гражданскіе законы древняго періода не были крещены въ христіанскую вѣру. И объясненіе происхожденія воспріемничества подражаніемъ римскому институту усыновленія также искажаетъ его церковное значеніе и навязываетъ ему значеніе института совсѣмъ не сроднаго. Такимъ образомъ если и допустить, что у насъ вышло недоразумѣніе относительно пониманія приведенныхъ выше словъ книги проф. Павлова, то едва ли по справедливости можно сказать, что оно зависѣло отъ насъ.

Неясность въ объясненіи происхожденія воспріемничества, какую мы замѣтили въ книгѣ проф. Павлова, нельзя прикрыть фразами въ родѣ тѣхъ, которыя мы только что привели изъ отвѣтной брошюры его. Она остается и теперь, по прочтеніи этой брошюры. Она видна между прочимъ изъ того, что А. С. Павловъ усиленно настаиваетъ на томъ, что воспріемничество произошло подъ вліяніемъ римскихъ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи, и изъявляетъ готовность доказать эту мысль обстоятельно (По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній, стр. 9). Не имѣя въ виду этихъ доказательствъ, мы конечно не можемъ судить объ ихъ силѣ. Нѣкоторыя же указанія на эту мысль мы находимъ уже и въ брошюрѣ сейчасъ поцитованной. Къ развитію этой мысли очевидно относятся слѣдующія слова этой брошюры: „Отдавая своихъ духовнорожденныхъ чадъ на руки воспріемниковъ, церковь тѣмъ самымъ *усыновляетъ* ихъ этимъ послѣднимъ. Такъ каждый вновь крещенный получаетъ отъ церкви (въ лицѣ воспріемника) особаго духовнаго отца, который по отношенію къ своему духовному сыну или дщери является какъ бы делегатомъ общихъ материнскихъ правъ церкви въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ и

служить помощником ея въ дѣлѣ религіознаго воспитанія новокрещеннаго, насколько это дѣло совершается въ обыкновенной обстановкѣ и въ обыкновенныхъ условіяхъ человѣческой жизни, которые не легко и не всегда могутъ подлежать прямому и непосредственному вліянію церкви въ лицѣ ея іерархіи“ (стр. 13). Здѣсь достоуважаемый профессоръ называетъ отношеніе между воспріемникомъ и воспріятымъ усыновленіемъ со стороны церкви конечно съ особенною цѣлю сблизить по значенію это отношеніе съ гражданскимъ институтомъ усыновленія. Но однимъ общимъ названіемъ нельзя произвольно породнить два разнородныя отношенія. Усыновленіе въ гражданскомъ обществѣ служитъ способомъ пріобрѣтать дѣтей посредствомъ юридическаго акта вмѣсто естественнаго способа рожденія. Въ актѣ же воспріемничества, по мнѣнію самого проф. Павлова, церковь раздѣляетъ свои материнскія попеченія о рожденныхъ своихъ духовныхъ чадахъ съ воспріемниками, вслѣдствіе чего послѣдніе являются делегатами общихъ материнскихъ правъ церкви и служатъ помощниками ея въ дѣлѣ духовнаго воспитанія ихъ. Порученіе матерію (въ данномъ случаѣ церковь) своихъ дѣтей другимъ съ цѣлю наученія, воспитанія очевидно совсѣмъ не то, чтѣ называется въ гражданскомъ быту усыновленіемъ. Къ развитію этой же мысли о вліяніи на происхожденіе воспріемничества гражданскаго института усыновленія относится также и то, что говорится на стр. 21: „Во время Юстиніана и послѣ съ понятіемъ о воспріемничествѣ такъ тѣсно соединялось понятіе объ особомъ (и единственномъ) церковномъ способѣ *усыновленія*, что у грековъ глаголь *ἀναδέχεσθαι* (воспринимать) весьма часто замѣнялся глаголами: *ἰδοποιεῖσθαι*, *ἰδοεττεῖσθαι* или *τεχνῶσθαι*, а латиняне вмѣсто *suscipere* говорили *adoptari*“. Какъ видитъ читатель, опять внутреннее сродство воспріемничества съ усыновленіемъ граждан-

скимъ доказывается сходствомъ наименованій ¹⁾. Въ данномомъ случаѣ самъ проф. Павловъ долженъ сознаться, что отъ единства названій не возникаетъ сходства во внутреннемъ характерѣ того и другаго института. „Конечно, говоритъ онъ, усыновленіе, устанавливавшееся чрезъ воспріятіе отъ крещенія, по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ (и, слѣдовало бы прибавить, по своей юридической природѣ), не было тождественно съ гражданскимъ усыновленіемъ (*adoptio* въ собственномъ смыслѣ): оно совпадало съ этимъ послѣднимъ только въ смыслѣ препятствія къ браку, но не сообщало ни усыновителю правъ отеческой власти надъ усыновленнымъ (въ значеніи римской *patria potestas*), ни усыновленному—права наслѣдованія усыновителю“. Значить, усыновленіе гражданское сопоставляется въ каноническихъ памятникахъ съ воспріемничествомъ только съ одной стороны—въ качествѣ препятствія къ заключенію законнаго брака. И въ этомъ случаѣ сопоставленіе получало свое основаніе въ томъ лишь случаѣ, когда усыновленіе совершено посредствомъ церковнаго молитвословія (Толк. Вальс. на 53 прав. трул.). Справедливо ли же послѣ этого считать гражданское усыновленіе вообще во внутреннемъ сродствѣ съ воспріемничествомъ и производить послѣднее отъ перваго, какъ это дѣлаетъ проф. Павловъ? И удивительную гибкость мысли обнаруживаетъ достопочтен-

---

¹⁾ Проф. Павловъ ссылается на лексическіе словари. Но лучше ли было бы обратиться за доказательствами къ каноническимъ памятникамъ? Въ нихъ тотъ и другой институтъ имѣютъ каждый особое техническое названіе; воспріемничество называется *ἀναδοχή ἀπὸ τοῦ ἀγίου βαπτίσματος*, а гражданское усыновленіе—*υἰοθεσία* (Синт. Мат. Власт. *Сυνт.* VI, 136. 138. Толков. Вальс. на 53 пр. трул. *Сυνт.* II, 430—1. Димитрія Хомат. о степ. родства. *ib.* V, 426). Правда, и въ нихъ (въ Синтагмѣ Мат. Власт. *Сυνт.* VI, 138) иногда *ἀναδοχή* называется *υἰοθεσία*. Отсюда, ясное дѣло, нѣтъ никакого основанія дѣлать выводы о внутреннемъ сродствѣ этихъ институтовъ, какъ и указывается на это въ самомъ поцитованномъ мѣстѣ Синтагмы Властара.

ный профессоръ подѣ влияніемъ желанія доказать свою комбинацію! Сознавшись, что воспріемничество, которое онъ называетъ не иначе, какъ усыновленіемъ, устанавливающимся чрезъ воспріятіе отъ св. крещенія, по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ не тождественно (только не тождественно!) съ гражданскимъ усыновленіемъ, онъ далѣе прибавляетъ: „однако въ тѣхъ случаяхъ, когда крещаемый былъ сирота, или дитя неизвѣстныхъ или нехристіанскихъ родителей, съ воспріятіемъ отъ крещенія *какъ бы* по необходимости соединялось и усыновленіе въ гражданскомъ смыслѣ этого слова. Приблизительно о такомъ же случаѣ *усыновленія чрезъ крещеніе* рассказываетъ и Прокопій“ *Какъ бы по необходимости соединялось усыновленіе...*

Что хочетъ сказать этими словами достоуважаемый профессоръ? Если то, что крестные отцы и матери часто вмѣстѣ съ духовнымъ руководствомъ воспріятымъ дѣтей принимали на себя попеченіе и о житейскомъ воспитаніи ихъ, то это фактически вѣрно. Но отсюда ничего не слѣдуетъ для доказательства его мысли о происхожденіи воспріемничества изъ гражданского института усыновленія. Если же онъ хочетъ сказать (конечно онъ это именно желаетъ сказать, но прикрываетъ свою мысль уклончивымъ выраженіемъ), будто житейское воспитаніе новокрещенныхъ сиротъ составляло прямую обязанность крестныхъ отцевъ и матерей, тѣсно связанную съ институтомъ воспріемничества, и будто въ этомъ случаѣ актъ воспріятія новокрещеннаго отъ купели крещенія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ актомъ и усыновленія въ гражданскомъ смыслѣ, то это будетъ неправда. Попеченіе о житейскомъ воспитаніи новокрещенныхъ дѣтей, не имѣющихъ семейнаго пріюта, было дѣломъ доброй воли воспріемника, не связаннымъ существенно съ институтомъ воспріемничества. Воспріятіе отъ купели крещенія служило только внѣшнимъ поводомъ для крестнаго отца дать безпріютному ребенку домашній пріютъ и воспитаніе во имя христіанской любви. Подобнымъ дѣломъ христіанской

благотворительности занимались не одни крестные отцы и матери, но и другіе христіане, по долгу христіанской любви и милосердія, особенно же не имѣющіе своихъ собственныхъ дѣтей; высшее же наблюденіе и попеченіе объ участи сиротъ лежало на обязанности епископа (Пост. апост. IV, 1—10). Воспитаніе, какое давали крестные отцы и матери своимъ воспріемнымъ дѣтямъ-сиротамъ, большею частію было конечно фактическимъ отношеніемъ, не оформленнымъ юридически. Если же кто хотѣлъ облечь это отношеніе въ юридическую форму, то конечно долженъ былъ прибѣгнуть для этого къ совершенію акта усыновленія, принятаго законами и обычаями. Такимъ образомъ и отвѣтная брошюра проф. Павлова, назначенная для разъясненія нашихъ недоумѣній, не вноситъ въ рѣшеніе даннаго вопроса новаго свѣта сравнительно съ тѣмъ, что было сказано въ его книгѣ, и не устраняетъ естественныхъ и неизбѣжныхъ возраженій противъ его стремленія объяснить происхожденіе и внутренній характеръ воспріемничества сопоставленіемъ его съ гражданскимъ институтомъ усыновленія.

Проф. Павловъ можетъ, въ опору себѣ, сослаться на авторитетъ Зисмана (Zishmann. Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien. 1864), который представляетъ дѣло въ данномъ вопросѣ очень сходно съ нимъ. Онъ говоритъ о духовномъ родствѣ (стр. 263—4) слѣдующее: „Каноническое право признаетъ такъ называемое духовное родство, которое основывается на принятіи извѣстнаго лица въ сыновство, совершаемомъ въ церковной формѣ, и устанавливаетъ между духовнымъ отцемъ и духовнымъ сыномъ неразрывный родственныи союзъ. Основаніе для *этого духовнаго родства* лежитъ далѣе въ усыновленіи (adoptio), которое совершалось вслѣдъ за воспріятіемъ отъ купели крещенія и въ началѣ обыкновенно было соединено съ послѣднимъ. Прокопій рассказываетъ, что Велизарій съ своей женой Антониной принялъ отъ купели крещенія юнаго еракійца по имени Θεодосія и усыновилъ

его. При этомъ историкъ замѣчаетъ, что это совершилось по обычаю тогдашнихъ христіанъ, по которому они будто бы усыновляли своихъ крестныхъ дѣтей еще по формѣ римскаго права. Впослѣдствіи времени перестали совершать усыновленіе (adoptio) одновременно съ воспріятіемъ отъ купели крещенія, тѣмъ не менѣе соединяли съ обоими этими дѣйствіями одинаковыя послѣдствія. Ибо какъ по ученію св. отцевъ, основанному на св. Писаніи, крещеніе есть духовное возрожденіе, и тотъ, кто воспринимаетъ извѣстное лице отъ купели крещенія, считается его духовнымъ отцемъ, то это же самое было принято и по отношенію къ adoptio, поколику послѣднее, такъ же какъ и первое, совершалось при посредствѣ церковнаго благословенія. Такимъ образомъ *духовное родство* раздѣляется на два вида — на родство, происходящее посредствомъ воспріятія отъ купели крещенія, и на родство, происходящее посредствомъ adoptio, совершаемаго съ церковнымъ молитвословіемъ“. Нельзя не замѣтить большаго сходства между приведенными словами Зисмана и мнѣніемъ проф. Павлова. Основная мысль и конструкція доказательствъ одна и таже и тутъ и тамъ. Только у Зисмана сопоставленіе между воспріемничествомъ и гражданскимъ усыновленіемъ проведено гораздо далѣе, чѣмъ у проф. Павлова, и потому кажется болѣе несообразнымъ. У Зисмана напр. сказано, что и воспріемничеству и усыновленію, благословенному церковію, усвоились одинаковыя послѣдствія,—сказано безъ всякаго поясненія и ограниченія; тогда какъ у проф. Павлова совершенно справедливо указано въ отвѣтной брошюрѣ, какъ мы выше видѣли, что эта одинаковость послѣдствій состояла только въ томъ, что и къ усыновленію примѣнялись на практикѣ тѣже правила, какія существовали о воспріемничествѣ, какъ о препятствіи къ браку. Далѣе, у Зисмана усыновленіе, благословенное церковію, прямо причисляется къ духовному родству, какъ особый видъ его. Но на это нѣтъ основанія въ каноническихъ памятникахъ.

Ссылка на источники, указанные Зисманомъ въ подтвержденіе этого положенія, ничего не говорятъ въ его пользу. Нигдѣ въ каноническихъ памятникахъ не сказано прямо, что усыновленіе гражданское относится къ родству духовному, а вездѣ говорится, что, въ случаѣ совершенія усыновленія по церковному обряду, оно считается препятствіемъ къ браку въ тѣхъ же степеняхъ, въ какихъ и родство, происходящее чрезъ воспріятіе отъ купели крещенія, такъ какъ и оно совершено съ церковнымъ благословеніемъ, какъ и первое, и только. Наконецъ, Зисманъ говоритъ, что у древнихъ христіанъ крестные отцы и матери усыновляли своихъ духовныхъ дѣтей, у проф. же Павлова это признается только въ тѣхъ случаяхъ, когда были крещаемы дѣти безпріютныя въ семейномъ отношеніи. Но при этомъ, по мнѣнію Зисмана, было недостаточно одного акта крещенія, а къ нему присоединялся особый актъ усыновленія, то ли въ гражданской формѣ, то ли въ церковной, ясно не видно. Проф. же Павловъ даетъ понять, что особаго акта усыновленія не употреблялось, что съ самымъ актомъ крещенія соединялось такое значеніе, по которому новокрещенные становились дѣтьми крестнаго отца или матери не по духу только, но и въ гражданскомъ смыслѣ. Такимъ образомъ два солидные ученые пополняютъ и поправляютъ другъ друга. Не будемъ взвѣшивать до точности, на чью долю приходится болѣе правды. Замѣтимъ только, что тотъ и другой представляютъ дѣло въ искусственномъ свѣтѣ, не согласно съ фактами дѣйствительности. Два историческіе факта характеризуютъ точку соприкосновенія воспріемничества съ гражданскимъ усыновленіемъ. Одинъ—тотъ, что крестные отцы и матери иногда брали къ себѣ своихъ духовныхъ чадъ на воспитаніе, когда у послѣднихъ не было семейнаго пріюта. Этотъ фактъ отнюдь не указываетъ на какую нибудь генетическую зависимость воспріемничества отъ гражданскаго усыновленія. Воспитаніе и гражданское усыновленіе дѣтей было обстоятель-